

Наблюдая за тем, как юноша склонил голову, сосредоточенно занимаясь, уголки его губ слегка приподнялись, после чего он развернулся и, помахивая веером, направился внутрь.

Линь Яньхун, казалось, почувствовал что-то, но, подняв голову, ничего не увидел.

Ван Луцю беззаботно распахнул дверь и вошел, словно это был его собственный дом.

Ся Чжуй, как всегда, не поднял головы, похоже, не собираясь обращать на вошедшего внимания.

Ранее он помог Линь Яньхуну переписать книгу, что вновь пробудило в нем интерес к старинным текстам. Последние несколько десятков дней он провел в своей комнате, изучая древние рукописи, не обращая внимания ни на что, кроме случаев, когда его вызывал наставник.

Ван Луцю, не глядя на разложенные на столе древние книги, сел рядом и с улыбкой произнес:

— Угадай, кто недавно стал моим соседом?

Увидев, что Ся Чжуй не собирается отвечать, Ван Луцю не стал расстраиваться и продолжил, словно разговаривая сам с собой:

— Если Чжуан Шуньюань на этот раз вернется в столицу и обретет достойный конец, то нашему маленькому Аньшоу не придется терпеть убытки...

Ван Луцю, словно между делом, произносил эти слова, одновременно бездумно листая книгу, которую Ся Чжуй оставил на столе.

Изначально Чжуан Шуньюань был вызван в столицу, чтобы продать дом своего тестя, и Ван Луцю подумывал о том, чтобы его приобрести.

Однако, с одной стороны, его собственный дом уже был достаточно большим, а с другой — даже если бы он купил его, Ся Чжуй вряд ли согласился бы покинуть академию и поселиться по соседству, так что покупка была бы бесполезной.

Но самое главное заключалось в том, что он знал истинную причину возвращения Чжуана в столицу и считал, что тому будет сложно остаться в стороне от неприятностей. Поэтому Ван Луцю лишь задал несколько вопросов и больше не думал об этом.

Пару дней назад, когда он увидел Линь Яньхуна, выходящего из дома Чжуана в переулке Шэнпин, он не мог не удивиться.

По логике, наставники академии обычно проявляют интерес к выдающимся ученикам, даже если они еще не принадлежат к их кругу.

Но Линь Яньхун вел себя скромно, и, как слышно, в Зале Чжисюэ он всегда следовал правилам, не проявляя высокомерия, свойственного новоиспеченному Аньшоу. Казалось, он был примерным «послушным ребенком», поэтому Ван Луцю не испытывал к нему никакого интереса.

Лишь когда он услышал, что Ся Чжуй публично сделал Линь Яньхуну замечание, Ван Луцю узнал от одного из знакомых преподавателей Башни Императорских Книг, что их маленький Аньшоу из академии Цинтун был «пойман» учителем Чжаньхэ за чтением «посторонних книг»,

что и стало причиной особого внимания со стороны наставника.

Позже, когда Ся Чжуй переписал для Линь Яньхуна древний свиток, Ван Луцю наконец осознал, что этот юноша занимает особое место в сердце Ся Чжуй, и сразу же проявил к нему большой интерес.

Услышав слова Вана, Ся Чжуй наконец отреагировал. Он отложил кисть в сторону, поднял голову и взглянул на Вана с вопросительным выражением.

Хотя на лице Ся Чжуй не было никаких эмоций, Ван Луцю почувствовал, что тот относится к этому юноше иначе.

Он вдруг вспомнил, как недавно смотрел сверху на этого юношу, который был подобен прекрасному нефриту и яркому месяцу, и в его голосе невольно прозвучала легкая доля горечи:

— Раньше он лишь упомянул что-то о древних письменах, и ты сразу же переписал для него запрещенный к выдаче свиток... Меня ты игнорируешь, а как только речь заходит о нем, сразу же напрягаешься... Неужели ты будешь беспокоиться даже о его имуществе и будущем благополучии?

Ся Чжуй взглянул на него, не зная, стоит ли ему удивляться таким странным фантазиям или он уже привык к эксцентричности наставника Вана, и не стал ничего отвечать.

Ван Луцю, произнеся эти слова, вероятно, сам понял, что был неправ, и, необычно для себя, замолчал на некоторое время, прежде чем пробормотать:

— Если я стану его соседом, конечно, буду о нем заботиться... Даже если Чжуан Шуньюань попадет в беду, это произойдет лишь через несколько лет, и к тому времени Линь Яньхун, вероятно, уже покинет город Юньтун. К тому же его дядя все еще при дворе, так что из-за одного дома он вряд ли пострадает, тебе не о чем беспокоиться...

— Ты сказал, что Чжуан Шуньюань вернулся в столицу? Его вызвал император? — спросил Ся Чжуй, не продолжая разговор о Линь Яньхуне.

Ван Луцю, увидев его серьезное выражение лица, тоже перестал шутить и кивнул:

— Ты в последнее время занимался изучением древних текстов, поэтому я тебе не говорил... Не только Чжуан Шуньюань, но и трое других старших чиновников из региона Юньшуй были вызваны императором в Тяньцзин. И, согласно сообщениям из столицы, вскоре туда вернутся и другие старые чиновники.

Он подумал и добавил:

— Все они были сторонниками императора в прошлом, и, что важно, они никогда открыто не выражали своей позиции по вопросу наследования престола.

Хотя Ван Луцю не договорил, Ся Чжуй понял, что он имел в виду.

В такое время император вызывает старых чиновников, которые не проявляли расположения ни к одному из принцев. Это выглядело крайне подозрительно.

Прожив в Юньтуне много лет, он давно не интересовался делами двора, но Ся Чжуй был

проницательным человеком и сразу же заметил нечто необычное.

Он не стал скрывать своих мыслей перед Ваном и пробормотал:

— Император задумался о наследовании?

На первый взгляд, император Лян вызвал именно тех старых чиновников, которые сохраняли нейтралитет, что, казалось, указывало на его желание избежать дальнейших споров о престолонаследии.

Но именно потому, что эти чиновники не проявляли пристрастия ни к одному из принцев, это еще больше подчеркивало решимость императора в вопросе наследования.

— Император хочет назначить наследника, но не желает, чтобы кто-либо на него влиял, поэтому он вызывает старых сторонников...

Но как император может быть уверен, что эти люди, которые когда-то помогли ему завоевать трон, до сих пор остаются верными только ему?

Или, даже если они остаются верными, вернувшись в политическую игру, как они смогут избежать случайного присоединения к одной из сторон принцев, каждый из которых уже взрослый и имеет свои преимущества?

Только подумав об этом, Ся Чжуй понял, что возвращение этих старых чиновников в столицу, вероятно, не принесет стабильности, а, напротив, станет причиной новых потрясений.

Какие кровавые события произойдут в Тяньцзине, сколько людей окажутся втянутыми в бездну — пока неизвестно, но можно лишь догадываться...

Ван Луцю, увидев на его лице выражение беспокойства, понял, о чем он думает, и с жалостью сказал:

— Мы с трудом покинули то место и наконец обрели несколько лет спокойной жизни, зачем тебе думать о вещах, которые нас не касаются?

Ся Чжуй, услышав это, прямо посмотрел на Вана:

— Как здоровье наставника в последнее время?

Ван Луцю, не ожидая такого вопроса, на мгновение замер, а затем, поняв, что скрывать бесполезно, опустил голову:

— Император послал евнуха с придворным лекарем, чтобы осмотреть деда.

Это означало, что император действительно намерен вернуть Канцлера Вана ко двору!

Брови Ся Чжуй нахмурились еще сильнее, он схватился за грудь, закашлялся и сторбился.

Ван Луцю, который ранее ревновал его к Линь Яньхуну, теперь, видя, как Ся Чжуй беспокоится о его семье и деде, почувствовал сильную жалость.

— Когда дед ругал тебя, ты разве не помнишь? Он был полон сил, тебе не о чем беспокоиться.

Ся Чжуй, наконец перестав кашлять, услышав слова Вана, ударил по столу:

— Наставник изо всех сил старался ради тебя... ради нас, а теперь он в преклонном возрасте, как он может снова погрузиться в... — он закашлялся.

Ван Луцю, увидев, что он снова начал кашлять, тут же подошел к нему и стал похлопывать по спине:

— Да, да, это моя вина, не волнуйся...

Он подумал и наконец нашел, чем его утешить:

— Мой старший брат недавно стал отцом, только что прислал мне письмо. Дед очень рад... Кроме того, брат попросил меня нарисовать картину «Сто сыновей» в качестве подарка деду на день рождения. Я думаю, на ней также нужно написать «Сто благословений», ты должен мне помочь.

— Старший брат Дуньбо прислал тебе письмо... и ты только сейчас об этом говоришь?

Спасибо за поддержку Мэнмэн Чжу Ю и Gia! (*J 3 ㄣ)

<http://bllate.org/book/17693/1651487>